

ГЛЕДИС

ШМИТТ

Царь Давид

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.6(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ш73

Серия «Зарубежная классика»

Gladys Schmitt

DAVID THE KING

Перевод с английского *И. Александрова*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературного агентства
Ann Elmo Agency, Inc.

Шмитт, Гледис.

Ш73 Царь Давид : [роман] / Гледис Шмитт ; [пер. с англ. И. Александрова]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 736 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-108206-2

Библейский Давид...

Второй царь Израиля...

Скромный пастух, волею судьбы вознесшийся к вершинам власти...

Действительно ли он поборол Голиафа или всего лишь сочинил об этом песню?

Почему тот, кто приблизил Давида, позже возжелал его смерти?

И не был ли получен царский венец ценой предательства?

Об этом и многом другом читайте в замечательном биографическом романе Гледис Шмитт.

УДК 821.111-312.6(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Gladys Schmitt, 1983

© Перевод. И. Александров, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-108206-2

Моей матери и отцу

КНИГА ПЕРВАЯ

I

Весь день овцы резвились и предавались любовным играм, но как только зажглись первые звезды, всех животных согнали в гурт. Чтобы отпугнуть львов, развели два костра. У одного из них спали три пастуха, с головой накрывшись плащами. Другой — потрескивал и дымился у ручья, поблескивая в воде, в небольшом углублении скалы среди виноградных лоз, где устроился на ночлег Давид, самый младший сын Иессея.

Он лежал на спине, положив киннор* на живот, и иногда, чтобы немного отвлечься от воспоминаний о беспокойных дневных заботах, дергал за струну. Инструмент слегка вибрировал, отчего по коже разбегались мурашки. Нежный негромкий звук разносился в тишине. Если бы он захотел сочинить песню, то едва ли нашлось бы более подходящее место; но сегодня он пребывал в чересчур возбужденном состоянии, чтобы творить. Ему бы полежать в безмятежной неге у вечно струящегося ручья, уединиться в возвышенном созерцании безграничного великолепия небосвода над этими тупыми овцами и тупыми пастухами, ведь он — поэт.

Он закрыл глаза и попытался мысленно представить свой образ: Давид, семнадцатилетний сын Иессеев, растянулся на плаще один среди ночи — стройный, молодой, светловолосый. Длинные ноги, на которых он мог угнаться за диким кабаном — пусть так, но когда-нибудь в битве он себя еще покажет. Бледная кожа — солнце облюбовало ее и позолоти-

* К и н н о р — древнееврейский струнный музыкальный инструмент, родственник лире. В русских библейских переводах упоминается иногда как «гусли» или «арфа». — *Здесь и далее примеч. пер.*

ло легким медовым отливом. Большие глаза — какие мечты, какие знания, утаенные от простых людей, придали глубину этим большим серым глазам? Он увидел, как густые волосы обрамляют его лицо. Сейчас в отвесах огня они действительно казались рыжими. Он представил себя лежащим во весь рост на спине с киннором. И тут ему пришло в голову, что киннор на животе — это выглядит нелепо, и он переложил его на грудь. Конечно, так не совсем удобно перебирать струны, но вид гораздо лучше. Давид, поэт, лежащий между землей и небом с киннором, прижатым к сердцу.

Следующие три тона соединились в печальное созвучие, и он подумал, что его нужно запомнить — на тот случай, если понадобится сочинить элегию. Элегию на смерть царя Саула... Нет, прости Господи, пусть царь Израилев здравствует тысячу лет! Элегию о великом лучнике... Музыка сама по себе зазвучала у него в ушах. «Лук упругий, лук из дуба, впитавший пот твоих рук, любимый брат мой Елиав. Я коснулся твоих пальцев, но их иссушила смерть», — начал он, но сразу же осекся и покраснел. Отправить своего брата в мир иной ради красного словца! Он любил брата, и приятно было сознавать, что войско Саулово расположилось не в поле, а празднует новолуние в древнем городе Галгале. Идет второй день праздника, и Елиав, наверное, сидит за столом, ломящимся от подгоревшего мяса жертвенного животного. Не иначе разговор ведется о войне и подвигах, а священный Иордан, недалеко от которого стоит город, шумом бурлящего потока заглушает голоса людей. Сидеть за столом с великими людьми и слушать, как галгалские женщины воспевают храбрецов...

Его грезы прервало какое-то движение в кустах, породившее внутренний страх, знакомый всем пастухам со времен Авраама. Лев? Он вскочил на ноги. Внизу, позади спящих пастухов и гурта овец он различил очертания зарослей терновника. Там что-то двигалось, но пары желтых огоньков не видно. В свете звезд белое пятно, подол одежды.

— Чтоб тебе пусто было, — едва слышно произнес он. А потом тоном, преисполненным достоинства и наигранного спокойствия, громко спросил:

— Кто это? Кто там?

В ответ лишь знакомый сдавленный смех, какой мож-
8 но услышать после сальной шутки пастухов, когда они

говорят за воротами о женщинах, зная, что вокруг спуют мальчишки.

— Иоав? — спросил он.

Из зарослей, гортанно зарывчав, выскочил двенадцатилетний паренек. Зубами он сжимал длинный пучок травы, торчащий до ушей с обеих сторон щек.

— Это усы, — сказал он. — А я — лев.

— Ты — осел и сын ослицы.

— Сын твоей сестры, — уточнил он, расплывшись в улыбке, и сел, скрестив ноги, рядом с Давидом.

Эти неожиданные визиты Иоава случались дважды или трижды в году.

Начиналось все очень мило, но если визиты затягивались дольше, чем на день или два, от них оставался неприятный привкус, как от вина. Иоав не привык к городской жизни и домам. Его отец, измаильтянин*, испортил сына, месяцами таская его по пустыням. Отрок всегда тосковал по безграничным просторам, далеким городам и караванам верблюдов с позвякивающими колокольчиками на шее. Сейчас он казался похожим на тушканчика, каковым он и был, с золотым полумесяцем, свисающим на загорелую щеку, волосами, закрученными нелепыми локонами, и был готов поведать бог весть какие чудовищные небылицы.

— Зачем ты поднялся сюда в горы среди ночи? — спросил Давид.

— Мог ли я провести ночь в доме Иессея, не повидавшись с Давидом? Я сбил подошвы, изодрал ноги о колючки, чтобы лицезреть тебя, о, звезда Вифлеема.

Давид ткнул ногой в костер, и над углями взметнулся язык желтого пламени, осветив смуглое экзотическое лицо.

— Вот, я принес подарок моему дядюшке.

Добрые глаза юного измаильтянина блестели.

Быстрым движением он положил в руку Давида легкий и изящный предмет. Это была высеченная из светлого камня статуэтка стройной молодой женщины с высокой грудью. Змея обвивала ее ноги, а два голубка кормились из ее сосков.

* И з м а и л ь т я н и н е (Быт. 25:16, 18) — потомки Измаила, двенадцать сыновей которого сделались князьями народа или племен Измаильских.

Страстное желание вспыхнуло в нем, подобно звуку, вырвавшемуся из нутра его киннора.

— Как ее зовут? — спросил он.

В ответ он услышал лишь многозначительный смешок. В непристойной веселости Иоав раскачивался взад-вперед, прижав колени к груди. То, что Давид держал в руках, было языческим изваянием, омерзительным образом ханаанской богини страсти, имя которой — Астарта. Давид произнес это имя вслух и швырнул в костер предмет, вызывающий вожделение плоти.

— Неважно, — сказал Иоав. — Я достану ее, когда ты уйдешь.

— Я никуда не уйду.

— Уйдешь, уйдешь. — Иоав лег на спину и сцепил руки на затылке. — Меня просили кое-что передать моему дядюшке.

— Что же тебя просили мне передать, сын шакала?

— Сын старшей сестры моего дядюшки. Я пришел сказать, что в твоём доме ночует Орлиный нос.

— Кто?

— Орлиный нос. Самуил.

— Самуил?

Имя это служило суровым укором. Ибо Самуил был человеком Божиим, который часто пророчествовал в то время, когда Господь был скуп на свои знамения, сурово обходился с языческими капищами, призывал сынов израилевых удалить из среды своей Ваалов и Астарт. Его лик, подобно новой священной луне, взошел над каждым городом на землях Иуды, Ефрема и Вениамина. Он видел то, что будет через час и через год; будущие поколения появлялись перед его взором. Много раз он отказывался от высоких постов в городах на основании своих предвидений; его пророчества всегда сбывались. Если дом Иессеев оказался более других домов в Вифлееме осчастливлен судьбой, то это потому, что Самуил часто засиживался в общей комнате... Давид взглянул на руку, в которой до этого держал Астарту, и обер ее о край одежды; но мурашки продолжали бегать по спине, и ему стало страшно.

— Самуил. И никто другой. По дороге у него начался припадок, говорят, в такие моменты он начинает пророчить.

10 Если бы ты его только видел! Слюни текут по бороде,

лицо в пыли. Да, ладно. Я вижу, ты сердишься. Его умыли и переодели, а он принес в жертву трехлетнюю телку. Иди домой, я присмотрю за овцами.

Давид отвернулся от порочного мальчишки, улыбавшегося при всполохах костра, и посмотрел на залитые лунным светом гребни гор.

— Пусть мой дядя простит меня, — сказал Иоав. — Я не имел в виду ничего дурного, я просто хотел порадовать моего дядюшку.

— Хватит об этом.

— Поцелуй меня на прощанье.

— Завтра, не сейчас.

Он повернулся и, обойдя стадо и заросли терновника, вышел на дорогу, видневшуюся при тусклом свете. Потом остановился на небольшом бугре и оглянулся. Иоав пастушьим посохом ворошил костер, очевидно, стараясь достать из золы и углей статуэтку Астарты.

II

В город он пришел через заросли кустарника и сланцы, поднявшись по склону известнякового гребня. По царившей вокруг тишине он мог судить, в сколь поздний час возвращается домой. Незамысловатые сложенные из камней дома, залитые бледным лунным светом, смотрели на него темными глазницами окон. Сторож у ворот кивнул ему, не проронив ни слова. На безлюдных улицах ни малейшего движения. Только кое-где у стен и на порогах домов бродячие собаки серо-коричневой масти под цвет пустыни, откуда они явились, копались в дневных отбросах или грызли кости. Только что прошел праздник, и во многих домах имелось жертвенное мясо.

В отличие от большинства строений дом Иессея был более просторный. Перед домом сад, обнесенный стеной, рядом с воротами по обеим сторонам от них смоковница и гранатовое дерево — оба в цвету. Давид думал, что застанет отца и пророка за серьезной беседой на скамейке под смоковницей, но в саду никого не было. Ни в одном окне не горел свет, и в какой-то момент ему показалось, что все домашние спят. И тут он услышал голоса — Самуил и Иессей оживленно беседовали на крыше, над спящим городом. Он от-

ломил ветку с цветами, заткнул ее за ухо и поднялся по лестнице на крышу.

По всему периметру крыши, за исключением того места, где приставлялась лестница, возвышался парапет в половину человеческого роста из обожженного на солнце кирпича. Открытая середина крыши освещалась любым источником из поднебесья. В центре залитого ночным светом пространства сидели пророк и отец Давида. У их ног лежал коврик из черной козьей шерсти, на котором перед ними стояли миска с простоквашей и тарелка с лепешками. Старцы склонились головами друг к другу. Лунный свет серебрил их развевающиеся волосы и бороды.

— В этой истории с Агагом я больше не могу обманывать себя. Наконец-то я раскусил царя, — сказал Самуил и замолчал, увидев Давида, стоящего у парапета.

— Давид? — сказал Иессей голосом, не оставлявшим сомнения, что «Давид» значит «любимый» и что тот, кто носит это имя, действительно любим.

— Да, отец.

— Иди сюда, Давид. Нам нужно видеть твое лицо, — сказал пророк.

Он подошел, тактично опустив глаза, и преклонил колени в ожидании благословения. От тела старца исходил едва уловимый божественный, но застоявшийся запах, какой бывает в давно не посещаемом святилище. Сухие губы запечатлели поцелуй на лбу Давида.

— Храни тебя Господь, — сказал Самуил.

Давид поднял глаза и увидел лицо пророка: крючковатый нос, впалые щеки, кожу, испещренную глубокими морщинами, словно трещинами на поверхности иссушенной солнцем почвы.

— Ты ел, Давид? — спросил Иессей. — Мясо внизу.

— Перед заходом солнца. Я брал с собой хлеб, сыр и вино. Разрешите мне побыть с вами.

Два старца кивнули и, отвернувшись от него, продолжили прерванную беседу. Они говорили тихими, приглушенными голосами, но он не мог не почувствовать, что все, что они проносили, предназначалось для его ушей. Время от времени он замечал, что они бросали на него взгляды из-под полу-

12 опущенных век.

— Мы вели разговор об Агаге, царе Амаликитском, — сказал Иессей.

В этом пояснении нет никакой надобности, подумал Давид. Даже пастушонок в глуши невежественного удела Иуды знал, что Агаг — царь Амаликитский. Это все равно что учить грамоте ребенка, выписывая буквы на песке... Он помнил слова своего брата Елиава: «Запомни, у Израиля два врага, один — на юге, и имя ему — Амалик, а второй — на западе, между нами и морем, и имя ему — филистимляне. И поэтому у Израиля нет мира».

— Мне не довелось видеть сражения, — сказал Самуил. — Саул не хотел, чтобы я показывался там. Мол, годы не те, трудности похода и становой жизни. Он говорил, что и для меня, и для Израиля будет лучше, если я останусь дома.

Юноша закрыл глаза и стал вспоминать тот день, когда войско отправлялось на битву. Восходящее солнце окрасило жемчужным цветом дымку, нависшую над сонмом людей. В напряженной тишине воины, стоявшие на весенних полях долины, обратили лица к вершине возвышавшегося над ней холма и городу Раме в ожидании благословения. Среди них были лица всех сильных, тех, кого мечтал увидеть любой пастух, бродивший со стадом по мирным невысоким горам удела Иудина: грубое лицо Авенира, начальника войска; сияющее лицо юного царевича Ионафана; легендарное, поросшее черной бородой лицо Саула, решительно настроенного утешить пророка, чьи ратные дни давно канули в прошлое.

— Ну, а ты что? — спросил Иессей.

— Я? А что может ответить старик тем людям в расцвете сил, кто проявляет жалость к его беспомощности? Что — я должен бежать за уходящим войском? Он пожелал, чтобы я остался в Раме, я и остался на Господне унижение и на вечный позор перед Израилем.

— Но в Иуде говорят, что с божьей помощью Израиль одержал победу...

— Победу? — В голосе пророка прозвучали задиристые нотки далекой юности. — Это Саул одержал победу. Что верно, то верно, город Амалик пал и сожжен дотла, а поля вокруг него обращены в золу и пепел. А Господь? Он был презираем в Амалике, а языческий царь Агаг почитался выше его.

— Но говорят, что Агаг убит.

— Да, но кто сразил Агага? Саул? Ничего подобного. Зачем Саулу убивать его? У царей свои дела — рука руку моет. Ворон ворону глаз не выклюет. Если хоть один волос упадет с головы одного из царей, кто из них будет спать, не окружив себя телохранителями? Чтобы Саул поднял руку на Агага? Да ни за что на свете! Он предоставил ему кров в своих роскошных палатах и не возражал, когда язычник изъявил желание поухаживать за единственной дочерью царя Израилева.

— Так, значит, он не убит? — удивился Иессей.

На морщинистом лице пророка появилась улыбка.

— Убит. Я поразил его мечом на черном жертвенном камне в Галгале, и он пал как жертвенный бык к ногам нашего Господа.

Эти слова он произнес негромко, но в ушах внемлющего юноши они прозвучали как боевой клич. Давид слушал пророка, закрыв глаза, и перед его мысленным взором предстали Саул и Самуил, стоящие в древнем круге, обнесенном черными камнями, которые установил Иошуа на берегу реки Иордан, — Саул в черных одеждах кающегося грешника с посыпанной пеплом головой и бородой и Самуил в белом — одежде безгрешного и любимого Господом. Он видел Агага, которого оторвали от общения с царевной и привели сюда; тот догадывался зачем, отчего щеки его стали серыми; в ушах у него сверкали золотые серьги, он нервно перебирал у губ пальцами, униженными перстнями с драгоценными камнями. Что он произнес, когда взгляд его упал на жертвенный меч? Странные слова непонятного смысла, вопрос без ответа: «конечно горечь смерти миновалась?»* С царской величиестью он положил голову на камень и принял удар меча.

— А что Саул? — робко спросил Иессей, посмотрев из-под седых бровей на задумчивое лицо собеседника. Губы юноши сжались. Какой обыденный у отца голос, подумал он.

— Я отринул его навсегда, — ответил пророк.

Как ни старался Давид, он не мог сохранять бесстрастное выражение лица. От удивления у него открылся рот. Если Самуил отступил от Саула, значит, отступился и Бог. Господь сил больше не властвовал над Израилем... Всех их троих, собравшихся здесь на крыше в белом квадрате света, охватил панический страх. Настала минута безмолвия и отчаяния.

— Вот как! — сказал Иессей не к случаю вялым голосом. Он с беспокойством посмотрел в сторону горной страны Моав, видневшейся в расщелине далеких холмов. — Кто знает, что теперь будет?

— Я знаю, что будет, — сказал пророк.

Они замерли в напряженном ожидании.

— Будет другой царь у Израиля и Иуды, — произнес пророк и медленно, почти незаметно повернулся к Давиду, не мигая глядя на него ясными, глубоко посаженными глазами. — У Господа найдется немало богатырей и воинов. Он познал коварство льва и сейчас желает видеть агнца. — Пророк сделал жест костлявой рукой в лунном свете. Ощупью, как слепой, он нашел волосы Давида. — Я видел это. Лев вскарабкивается по отвесным уступам Гилбоа, а газель стрелой мчится прочь, и настанет час агнца, но агнец прольет слезы. — Тонкий палец коснулся щеки юноши и провел линию, словно след от слезы. — Агнец, агнец. У Господа будет агнец, — сказал пророк.

Давид заметил, что на губах Самуила выступила пена. Иессей поднялся, а Самуил начал падать вперед, как больной ребенок, уткнувшись лицом в колени Иессея.

— Ну же, брат мой! Ну же, сердце мое! — заговорил Иессей. Он присел на корточки, обнял провидца и стал раскачиваться взад-вперед, как женщина. — Хватит с тебя. Ты весь день был с Господом. Пойдем, ты должен лечь спать.

Не взглянув на Давида, они оба встали и, опершись друг на друга и покачиваясь, поплелись к лестнице. В тени у парапета, под покровом глубокой ночи они казались очень маленькими, очень старыми. Иессей продолжал бормотать какую-то утешительную бессмыслицу о мягкой кровати и сладком сне. А Давид в ту ночь не сомкнул глаз.

III

В первый раз в своей жизни Давид был рад, что праздник новолуния миновал. С отбытием Самуила на рассвете в Раму возвышенная цель встала перед ним. Когда Иоав вернулся с холмов, появилось ощущение хаоса. В доме Иессея находилось слишком много народа; Саруин, полнотелая мать Иоава, встревала в каждый разговор, появлялась в каждой комнате, и все в Давиде восставало против ее везде-